

ЦИРК ПЯТОГО КРУГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Шабрак

Цирк пятого круга

<https://litres.ru/74112056>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цирк Пятого круга — это не вымысел. Это карта ада, по которому автор прошёл лично.

Сергей Шабрак — обычный парень из Краснодара, который в 25 лет потерял всё. Семь месяцев скитаний, двести кататоний, девять серотониновых штормов и встреча с Клоуном-маньяком. То, что психиатры называют «острым психозом», для автора стало посвящением в Психопомпы — проводника между мирами живых и мёртвых.

Эта книга — не просто исповедь. Это руководство по выживанию в аду, который существует внутри каждого. Вы узнаете, как работают слои реальности, что такое «мусин» и почему горький шоколад с энергетиком могут стать топливом для истерической силы. Вы увидите, как выглядит подземный Екатеринбург и что скрывают стены старых зданий на улице Красной.

«Цирк Пятого круга» — это книга для тех, кто стоит на краю. Для тех, кто слышит голоса. Для тех, кто потерял себя и хочет вернуться. Автор не обещает лёгкого пути. Он просто знает дорогу. Потому что он прошёл её сам. И вернулся.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Цирк пятого круга

Глава

ПРОЛОГ

Путь праведника труден и тернист.

Я не профессиональный каратист. Я не святой и не пророк. Я — человек, который спустился в ад, будучи ещё живым, и вернулся обратно, чтобы рассказать об этом.

Это не фэнтези и не философский трактат. Это — карта местности, которой нет на глобусах, но которая существует в сознании каждого, кто стоял на краю. Я прошёл через психоз, через улицу, через предательство крови и потерю всего, что у меня было. Я разговаривал с Клоуном, который учил меня убивать, и с Богом, который обещал мне встречу через тридцать лет.

Эта книга — хроника моего падения и моего возвращения. В ней будут голоса. В ней будет смех и будет жуть. В ней

будут точные цифры и необъяснимые события.

Я не прошу мне верить. Я просто свидетельствую.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОЛОТО

Глава 1. Низкие вибрации

Всё началось задолго до первого голоса. Наверное, ещё в детстве, когда я понял, что мир — это не только то, что видят глаза. Но если брать ту точку, с которой всё покатилося в пропасть, — это была съёмная квартира в Краснодаре.

На улице Восточно - Кругликовской

Я писал трек. Над столом висел плакат с каким-то призраком в тёмной мантии. Я называл свои композиции «низковибрационными» — в них было много баса, много тьмы и очень мало воздуха. Я был самоучкой и не стеснялся этого.

Мой друг Лёха слушал мои треки и морщился. Он называл меня Васей. Он учил меня жить, попутно сочиняя матерные куплеты. Когда он сам писал что-то лиричное, это считалось искусством. Когда я — это было баловством. Он говорил, что я тупой, и переводил всё в шутку.

По вечерам я пил. Днём глотал фенотропил, чтобы не спать и больше работать. Ночью мы собирались на кухне, и Лёха, в измененном состоянии, начинал читать нам мораль. Я работал в доставке. Деньги уходили на съём, алкоголь и сигареты.

Я верил, что смогу написать что-то стоящее. Я хватался за микрофон, как за спасательный круг, не понимая, что он тянет меня на дно. Я не знал, что такое жить в балансе. Был перекос и выпеченное эго.

Квартира 55. В ней я жил долгие годы, ещё с шести лет, и до девятнадцати периодически жил в ней. Фрагменты ругани родителей, злость в сторону папы. Я мало спал. Я ставил эксперимент: сколько смогу работать без выходных и с малым сном. Пять месяцев. Это был очень страшный сон.

Я заразился ВПЧ — много штаммов, все онкогенные. Пришлось лечиться. Много денег. Результат появился только после той истории, о которой эта книга. И к чему это всё вело — эти годы, этот путь дурака — был пройден.

Глава 2. Ультразвук и биополе

Всё началось не с голосов. Всё началось со звука.

Он появился не снаружи. Он включился где-то внутри головы, за левым ухом, как будто кто-то настраивал старый телевизор на несуществующий канал. Ультразвук. Тонкий, режущий, он возникал то в одном ухе, то в другом. Я зажимал ухо ладонью — звук оставался. Я зажимал другое — он переползал туда, как живой. Иногда он прерывался на несколько секунд, и я замирал, надеясь, что всё закончилось. Но он возвращался. Всегда возвращался.

Тогда я ещё не знал слова «сенсорный гейтинг» и не понимал, что мой слуховой фильтр начал ломаться. В норме мозг отсекает тысячи сигналов: мы не слышим, как кровь течёт по венам, как воздух проходит через носоглотку, как бьётся сердце. Мой мозг перестал это делать. Он открыл все каналы разом. И в эти каналы хлынул шум.

Шум — это не тишина. Шум — это всё сразу. Это шаги соседей сверху, это гул проводов в стене, это собственный пульс, отдающийся в висках. Всё это смешалось в одну высокочастотную ноту, и эта нота звучала во мне несколько недель.

Потом пришёл запах. Насыщенный, женский парфюм. Цветочный, с мускусной базой, тяжёлый, как духи пожилой женщины в церкви. Я был дома один. Я обошёл всю квар-

тиру, обнюхал подушку, шторы, куртку в прихожей. Ничего. Запах не прилипал к вещам — он висел в воздухе, как облако. Я открыл форточку — запах остался. Я закрыл форточку — он стал гуще. Мои обонятельные луковицы выдавали ложный сигнал. Рецепторы в нос у возбуждались не от молекул, а от внутреннего электрического импульса. Мозг придумывал запах, которого не существовало. Но для меня он был реальнее, чем запах сигарет в пепельнице.

А потом пришло прикосновение. Я сидел на кухне, и вдруг чья-то рука легла мне на плечо. Тёплая. Живая. Я обернулся — никого. Дверь заперта. Окна закрыты. Я сел обратно, и через минуту прикосновение повторилось. Теперь уже к шее. Лёгкое, как дуновение. Моя соматосенсорная кора — участок мозга, отвечающий за осязание, — активировалась сама по себе, без внешнего стимула. Представьте, что кто-то щекочет вас через стекло. Вы не чувствуете стекла, вы чувствуете только пальцы. У меня стекла не было. Были только пальцы. Невидимые. Мозг перестал отличать внешний сигнал от внутренней галлюцинации.

Это было началом. Я ещё не знал, куда это приведёт. Я думал: переутомление, недосып, фенотропил. Я уговаривал себя, что всё рассосётся. Но в ту же ночь я увидел её — ауру.

Белая, слегка видимая, она висела в углу комнаты, как ту-

ман, как не проявленная до конца голограмма. Я смотрел на неё, и она не исчезала. Я моргал — она оставалась. Я отводил взгляд — она ждала. Зрительная кора работала в режиме гиперактивации. Нейроны возбуждались не от света, падающего на сетчатку, а от внутреннего дофаминового шторма. Дофамин — нейромедиатор, который помечает важные события, — начал выделяться хаотично. Любой стимул стал сверхзначимым. Любая тень стала знамением. Любой звук — посланием.

Я начал потихоньку сходить с ума, но ещё понимал это. В этом было самое мучительное: я видел грань и чувствовал, как переступаю её. Я ещё мог отличить реальный звук от галлюцинации. Я ещё знал, что запаха нет. Я ещё осознавал, что рука на плече — это сбой. Но с каждым днём эта грань истончалась. Фильтр разрушался.

Через несколько дней я сел перед телевизором. Шли мультики. Обычные детские мультики. Но я вдруг начал видеть их насквозь. За яркими картинками проступала социальная подоплёка: нормы, коды, программы. Это были не просто развлечения. Это были инструкции по программированию сознания. Я видел, как формируются желания, как подавляется воля, как создаётся «нормальный человек». Дофамин пометил и это — и мультики стали секретным документом.

Я выключил телевизор, но картинка не исчезла. Она сменилась другой. Я увидел море. Ночь. На берегу стоял маяк. Обычный белый маяк с красной полосой. Я был одновременно и снаружи, и внутри. Внутри сидел человек. Он работал за пультом. Рядом стояли серверы, гудели вентиляторы, мигали лампочки. На экранах — планы, графики. Судьбы регионов. Графики. Схемы.

Эта служба называлась «Сознание». Она излучала сновидения, создавала путаницу в головах людей, чтобы они делали то, что требуется данному региону. А всё происходящее было лишь следующим экспериментом.

Я стоял у маяка и смотрел. И человек внутри маяка поднял голову. Он почувствовал, что я смотрю. Я увидел его глазами — и он увидел моими. Мы были связаны. Разработчик и его творение.

Я отошёл от телевизора. Ультразвук в ухе сменился низким гулом. Я лёг на кровать и закрыл глаза. Аура всё ещё висела в углу. Я знал: это только начало.

Глава 3. Святая вода и пистолет

Я ударился в православие. Резко, без переходов, как в стену на скорости.

Это не было решение. Это был инстинкт. Когда фильтры мозга отказывают один за другим и мир превращается в какофонию из запахов, голосов и теней, психика ищет якорь. Что-то твёрдое. Что-то, что было до того, как всё сломалось. Для меня этим якорем стала церковь.

Я купил в церковной лавке свечей, набрал святой воды и начал держать пост. Хлеб и вода. Как Христос в пустыне. Сорок дней. Я не знал тогда, что водная интоксикация на фоне голода — это прямой путь к отёку мозга. Я просто пил. Два литра святой воды в день. Она казалась мне единственной чистой субстанцией в мире, который сошёл с ума.

Молитвы я читал вслух. «Отче наш», «Символ веры» слушал литургию песнь херувимов. Голос звучал глухо, как из бочки. Иногда мне казалось, что я слышу ответ. Не слова. Дыхание. Кто-то дышал рядом со мной, в такт молитве. Я оборачивался — никого. Я продолжал молиться. Дыхание возвращалось. Я решил, что это ангел. Или бес. Тогда я ещё не различал.

В одну из ночей я почувствовал, что в меня кто-то вселился.

Это было не как в кино. Без спецэффектов, удары уль-

тразвуковые по биополю, без скрежета и крика. В какой-то момент я перестал быть собой. Внутри меня сидел мужик. Обычный. Лет сорока. Он лежал в тюремной реанимации в коме и просил меня пойти в церковь. Я знал его имя. Я знал его статью. Я чувствовал его боль в своей груди — тупую, ноющую, как от удара в солнечное сплетение. Он хотел, чтобы я передал записку. Он хотел, чтобы я исповедовался за него.

Я пошёл в церковь на следующий день. Стоял на коленях. Рыдал. Сильно, навзрыд, как не плакал с детства. Свеча дрожала в руке. Священник смотрел на меня долгим взглядом, но ничего не сказал. Может, он видел, что со мной что-то не так. Может, просто привык.

Вечером того же дня мужик исчез. Его сменило другое знание. Ясное, холодное, без эмоций. Я был не просто человеком. Я был одним из разработчиков этой игры. Я создавал ландшафт с командой ангелов. Я приписывал, какие будут развития в социуме, в архитектуре. Корневая система деревьев была схемой цифрового ключа для открытия дверей. Всё происходящее — это симуляция. Тренировка ангелов перед переходом в материальный мир. А я тут остался. Перенёсся в высокопроработанную модель.

Это знание не пугало. Оно успокаивало. Если мир — игра,

значит, у него есть правила. Если есть правила — значит, их можно понять. Если я один из разработчиков — значит, я могу их вспомнить.

Лёха пришёл вечером. Он ничего не знал про мои видения. Сел на кухню и начал говорить про то, что я тупой, что я пишу низкокачественный материал.

Я смотрел на него и видел другое. Его глаза были не его. За ними стоял кто-то ещё. Я видел, как он перемещает предметы через тараканов. Тараканы в квартире были не насекомыми — это были камеры. Он поглощал мою энергию. Он был помощником сатаны.

Я начал молиться. Прямо при нём. Сначала тихо, потом громче. Он замолчал. Его лицо изменилось. Я встал и вышел на балкон.

Молитва продолжалась. Я читал её полчаса. Состояние было как при психозе — зрение качалось, всё стало ярким, насыщенным. Свет резал глаза. Я не просто молился — я изгонял из него демона. Каждое слово было как удар. Каждая строчка — как лезвие. Я стоял на балконе, вцепившись в перила, и читал. Громко. С силой.

Через полчаса я зашёл в комнату. Лёха ходил из угла в

угол. Его трясло.

— Че-то мне плохо, — сказал он. — Не по себе.

Он не понимал, что с ним происходит. А я понимал. Молитва работала. Демон внутри него корчился.

Я не ответил. Я продолжал молиться — уже тише, внутри, Я выкрикнул: «Вон всем!» Всем голосам. Всем сущностям. Всем, кто поселился в моей голове. И на секунду стало тихо. Первая тишина за несколько недель

Лёха ещё ходил, потом схватил куртку и вышел. Хлопнула дверь. Я остался один.

И тогда я понял, кто я.

Не Сергей Шабрак. Не бомж. Не курьер доставки. Я — Иоанн Богослов. Тот самый, что написал Откровение на острове Патмос. Тот, кому явился ангел и показал конец времён. Тот, кто видел зверя, выходящего из моря, и Вавилонскую блудницу, и новое небо, и новую землю.

Я не просто верил в это. Я знал это. Знал так же твёрдо, как знал, что у меня две руки и два глаза.

Вот почему Бог сказал мне ждать Его на Патмосе. Не про-

сто так. Не случайный образ. Я должен был вернуться. На остров. На место, где две тысячи лет назад апостол записал последнюю книгу Библии. Я должен был ждать Его там. Тридцать лет.

Я сел на пол. Сердце колотилось. В голове звучали строки из Откровения — я помнил их наизусть, хотя никогда не учил специально. «Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный». Я слышал этот голос сейчас.

Я — Иоанн. Я — свидетель. Я должен ждать.

Я закрылся в чулане. С пистолетом. СХП. С пачкой патронов. Я помнил, как заряжать. Затвор. Магазин. Патрон в патронник. Руки не дрожали. Они были спокойны, как у хирурга. Я сидел в темноте, сжимая рукоять.

Тишина.

Она была прекрасна. Она была невыносима. Я сидел в чулане и слушал эту тишину. Потом вышел.

А потом начался процесс обнуления. Я открыл шкафы, вывалил всё содержимое на пол и стал сортировать. Вещи знакомых, которые хранились у меня годами — сувениры, диски, какая-то одежда, — я безжалостно выбрасывал. Каж-

дая вещь, казалось, была якорем, который держал меня в старой жизни. От них нужно было избавиться. Это была не просто уборка. Это был ритуал очищения. Генеральная уборка Вселенной. Я отскребал квартиру до стерильности. Я физически чувствовал, как с каждым выброшенным пакетом дышать становится легче.

Потом я взял пачку соли. Обычную, крупную. Я насыпал её на сковороду и начал прокаливать. Я водил над ней руками и что-то шептал. Я чувствовал, как она впитывает в себя напряжение. Я рассыпал соль по углам, по порогам. Особенно густо — у входной двери. Чтобы ни одна тварь, которую я изгонял, не просочилась обратно.

Несколько дней после этого я вымачивал одежду в дождевой воде. Я верил, что этот дождь — особенный. Миренский. Раз в пятьдесят лет. Я фильтровал её через марлю, но не всегда. Иногда вода была мутной, с примесью пыли и неба. Я всё равно в ней замачивал. Дождь шёл несколько дней подряд. Я собирал его в тазики, в кастрюли, в бутылки из-под пива. Вся квартира пропахла сыростью.

Я расставлял предметы. Всё должно было стоять ровно. Тапки у порога. Стулья вокруг стола. Зубная щётка в стакане. Ерш в туалете. Если симметрия нарушалась, я физически чувствовал, как пространство искривляется и давит на мозг.

Я возвращался и поправлял. Снова. Снова. До тех пор, пока предметы не замирали в идеальном порядке.

Это был ритуал. Это была магия. Это была кататония — но я не знал этого слова. Я просто знал: если вещи стоят ровно, мир не рухнет. Если вещь сдвинута — демоны прорвутся через брешь.

Я спал по два-три часа. Ел хлеб, запивал святой водой. Пистолет лежал под подушкой. Пачка патронов — в ящике стола. Я хотел взять кредит. Не на еду. Не на квартиру. На билет до Греции. Бог сказал: жди меня на Патмосе. Я должен был туда попасть. Я уже смотрел маршруты, прикидывал сумму, искал, где одобрят займ. Это был не порыв. Это был план.

А потом я увидел воду.

Не воду в тазике. Не дождевую воду за окном. Море. Галилейское море. Ночь. Лодка вдали. И я иду по воде. Босыми ногами. Холодно, но я не тону. Рядом со мной — Он. Иисус. Он не говорит. Просто идёт. Его глаза — тихие. Его рука — рядом, но не держит. Я иду сам. Я — Иоанн. Я — тот, кто возлежал у Его груди на Тайной Вечере. Я — тот, кто стоял у креста, когда все остальные разбежались. Я иду по воде, и вода держит меня.

Я — Иоанн. Я — свидетель. Я должен ждать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПАТМОС

Глава 4. ОМОН и камера

Я вышел за сигаретами. Обычное дело. Пистолет СХП и муляж гранаты остались на столе. Я не прятал их — какой смысл? Они были частью интерьера, как солонка или кружка.

Когда я вернулся, дверь в квартиру была открыта.

Внутри стоял арендодатель. Я задержал оплату на пять дней. Пять. Не месяцев, не недель. Он не стал ждать. Рядом с ним — сотрудники полиции. Женщина в форме. Потом подъехал следователь. Потом ОМОН — два человека и собака. Немецкая овчарка. Она смотрела на меня и молчала. Собаки всегда знают, когда в человеке сидит бес. Или когда человек сам стал бесом. Но она не лаяла. Просто ждала команды.

Меня отодвинули в сторону. Прошли в квартиру. Я стоял в коридоре и смотрел, как они осматривают моё жилище. В комнате стояли тазы с мутной дождевой водой. На кух-

не — марганцовка. На подоконнике — соль, прокалённая на сковороде. На полу — вещи, которые я ещё не успел выбросить. И посреди этого хаоса, на столе, как экспонат — муляж гранаты и пистолет СХП.

Следователь подошёл к столу. Взял гранату. Повертел в руках. Я видел, как его пальцы сжались на корпусе. Он был мужиком крупным, с красным лицом и одышкой. Он поднял на меня глаза и сказал:

— Если боевая — засуну тебе в ж**у.

Он не шутил. Он говорил это с той особой интонацией, которая бывает у людей, привыкших к власти. Он уже представлял, как это сделает. Я видел это по его глазам. Он настаивал. Он смаковал эту фразу.

— Я ею пивные крышки открывал, — сказал я.

Он не оценил. Вообще.

Гранату разобрали. Муляж. Я выдохнул. Следователь — нет. Он всё ещё смотрел на меня, как на врага.

Меня обыскали. Вывели из квартиры. Собака проводила меня взглядом. Дальше — отдел. Участковый этого района.

Я сидел в коридоре и смотрел на стену. Время замедлилось. Каждая минута длилась час. Я не спал. Я не ел. Я не понимал, что происходит. Голоса молчали. Это было хуже всего. Когда они молчат — ты не знаешь, что будет дальше. Ты остаёшься один на один с реальностью. А реальность была: полиция, допрос, граната, «засуну в жопу».

Потом — следственный изолятор.

Первые сутки я провёл один. В маленькой камере с железной дверью и лампочкой под потолком. Спать было нельзя. Лампа не горела. Я сидел на шконке и смотрел в стену. И тогда пришла она.

Женщина из мысли.

Она появилась не как видение. Она появилась как идея. Как будто кто-то вложил мне в голову готовый образ: женщина, которая возникла из пустоты, из чистого сознания, и переселилась в тело какой-то девочки. Она не знала, как пользоваться этим миром. Не знала, как включать горячую воду. Не знала, зачем нужен пульт от телевизора. Не знала, какой сыр покупать.

Я начал её учить. Мысленно. Я объяснял: вот так открывается кран, вот так переключаются каналы, вот этот сыр —

пармезан, он дорогой, но вкусный. Она слушала. Она была благодарна. Она была единственным существом, которому я был нужен в этой камере.

Потом я начал скачивать базы данных МВД. Прямо в голову. Я видел списки, картотеки, номера дел. Я не знаю, было ли это правдой или бредом. Но я видел их. Я знал, кто сидит в соседних камерах. Я знал, кто из следователей берёт взятки. Я знал всё.

Через сутки меня перевели в другой подвал. Камера на троих. Верхняя шконка была забита книгами. Целая библиотека. Меня приняли хорошо. Сокамерники делились сигаретами, едой. Я много спал. Здесь не было лампы под потолком. Здесь было почти уютно.

В этой камере я потерял зуб. Проснулся на верхней шконке, где была целая библиотека книг, а зуба нет. Просто выпал. Без боли. Без крови. Как будто тело решило избавиться от лишнего. Я потрогал языком пустое место и подумал: «Отметка. За то, кем я хотел стать».

Потом был суд. Меня вывезли. Я сидел в клетке и смотрел на судью. Он смотрел на меня с недовольством. Зачитывал что-то про пистолет, про гранату, про дождевую воду в тазах. Я почти не слышал. Моё тело застыло. Руки замёрзли

от понимания абсурда. Кататония при заполнении дела. На следующее утро меня выпустили.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДРАКИ

Глава 5. Драка с охранником и кража фунфырика бурбона

Первый раз получилось. Второй — нет.

Магнит на 40 лет до кольца

Я кричал вызывайте полицию , но приехали ребята из Невы

Меня застали, на закрытой стоянке с колючей проволокой. Вышел охранник. Подготовленный. Спортивная фигура, короткий ёрш волос, движения экономные, как у человека, который не раз бил. Он не кричал. Он просто начал меня бить.

Я был в кататонии. Тело застыло. Я не мог поднять руки, не мог защититься. Первый удар пришёлся в голову. Второй — туда же. Я пропустил оба.

И не упал.

Он остановился на секунду. Я увидел его глаза. В них был а*уй. Настоящий, животный. Он не понимал, почему я стою. Он привык, что после таких ударов люди ложатся. А я стоял.

Не потому что был сильным. А потому что тело забыло, как падать.

Тогда он снял кобуру с пистолетом. Положил на землю, подальше. Чтобы не мешала. И снова пошёл на меня.

Удар

Я повалился на асфальт. От дезориентации в катотонии и удара в висок он бил ногами несколько раз, а позже лежа стал — бить руками. И когда я понял что он просто убьёт меня, сработал инстинкт . Он ударил кулаком , я ударил в ответ . Два раза. Под нижние рёбра. Коротко, без замаха. Он обмяк. Я встал.

В этот момент я понял, что его напарник сейчас полезет за стволом. Я рванул к забору. Листовой металл, приваренный к столбам. Я 2 раза в состоянии адреналина бил ногой по шву стали и на 3 раз он отошел, схватился за край и вырвал лист. Адреналин снял ограничения. Краем глаза я заметил, что тот второй доходяга уже открыл кобуру и собирался стрелять. Я бежал.

Переполюнял здравый смысл, но я хотел его зарезать. Хоть битой бутылкой, хоть ножом.

Отбежав два квартала, я нашёл стеклянную бутылку. И в этот момент увидел силуэты. Двое. Здоровые. За сто килограмм каждый. Бородатые дагестанцы. У одного, вероятно,

холодняк. Они кричали: «Сюда, у*ок!»

Здравая оценка возобладала . Я ринулся дальше по улице.

Кровь медленно стекала по лицу. И в этой крови было что-то приятное. Не мазохизм. Чувство, что ты ещё жив. С пустыми руками мне стало интересно, кто идёт.

Я ушёл. Их было двое, я — один. Они были здоровые, я — еле стоял на ногах. Но я ушёл.

Потом — больница. Шов над левым глазом. Кровь залила пол-лица. Правый глаз — красный, с лопнувшим капилляром. Я не хотел драки. Я хотел, чтобы меня посадили на трое суток. Просто поспать в камере. Я кричал, чтобы прислали не чеченцев, а полицию . Мне наложили швы.

Я сидел в коридоре и думал: «Никто нормально не отреагирует на тебя. Ни близкие, ни друзья. Сделают вид, что помогут». Я встал на этой ноте и пошёл к выходу.

Начинало светать. Что это было? Мне нужно найти телефон.

В дверях больницы я увидел его. Клоуна.

Он не говорил. Он просто стоял и смотрел. Визуальная атмосфера стала как в хорроре. Я вышел на улицу. Клоун остался в коридоре.

Глава 6. Первые голоса Шута

Я вышел из больницы. Шов над левым глазом ещё саднил. Правый глаз был красным, как будто я плакал кровью. Я шёл по улице и не знал, куда идти.

И тогда я услышал его.

Голос был тихим. Не громким, не угрожающим. Он был интимным. Как будто кто-то сидел рядом со мной на скамейке и говорил мне на ухо. Тембр низкий, с лёгкой хрипотцой. Так говорят старые друзья, когда не виделись много лет.

— Заручившись терпением, братишка.

Я остановился. Это был не мой голос. Не внутренний монолог. Не мысль. Это был другой. Отдельный. Чужой.

— Надо было бить его в горло.

Я молчал. Я слушал.

— Я тебе говорил: лезвием ровняй, а рукой подтягивай. Ты не всегда был таким. Это общество склепало из тебя психического уроды. Им плевать на твои проблемы. Им главное — упорядочить людей, кто остался без жилья. И тех, кому не фартит по жизни, — добить.

Я стоял посреди тротуара. Мимо шли люди. Они не слышали его. Только я.

— Зачем ты ходишь? Думаешь, люди смолкнут в минуту отчаянья? Уповая на Бога? Или пройдут путь, что ты прошёл?

Он помолчал. А потом добавил — тихо, почти шёпотом:

— Ты не представляешь, насколько кровожадны люди от природы. Им не свойственны многие вещи. Но когда надавишь на прожитую рану — их глаза блекнут перед тем, что у них от природы вложено.

Я пошёл дальше. Голос замолчал, но не исчез. Он поселился где-то в основании черепа, как квартирант, который не собирается съезжать.

Так я познакомился с Клоуном.

Позже я узнал его имя. Шут. Братишка. У него было много имён. Но в тот момент он был просто Голосом. Самым убедительным из всех, что я слышал. Он не запугивал. Он не угрожал. Он объяснял. Он говорил правду — ту, которую я боялся признать.

Люди действительно были кровожадны.

Отец, который улыбался и шёл мимо. Мать, которая хотела упечь меня в психушку. Охранник, который бил лежачего. Арендодатель, вызвавший ОМОН за пять дней просрочки. Следователь, обещавший засунуть гранату в задницу.

Клоун не врал. Он просто называл вещи своими именами.

В этом была его сила. И в этом была ловушка. Я ещё не знал, что голос, который говорит правду, может быть опаснее того, что лжёт. Потому что правде ты веришь. А вера открывает двери.

Клоун вошёл в мою голову и начал обустроиваться. Он показывал мне песни, которые слушал там, у себя. Не фолк, не драм. Классика. Чакона соль минор Витали в исполнении Давида Ойстраха.

David Oistrakh, Vladimir Yampolsky Чакона соль минор.
Д.Ойстрах (скрипка), В.Ямпольский (ф-но). Глюк К.В.

Мелодия из оп. "Орфей и Эвридика".

Мелодия из «Орфея и Эвридики» Глюка. Музыка смерти. Музыка прощания. Он слушал её и улыбался.

Я тоже начал слушать. Не потому что нравилось. Потому что он был рядом. А когда ты один, даже враг становится компанией.

Глава 7. Мужик под солями

Голос вёл меня пять километров.

Он не объяснял, зачем. Он просто говорил: «Налево. Прямо. Ещё два квартала». Я шёл через дворы, через гаражи, через пустыри. Ноги двигались сами. Я не сопротивлялся. К тому моменту я уже привык, что голоса знают дорогу лучше меня. Клоун молчал. Говорил другой — тот самый, что позже назовётся Киллером. Сухой, быстрый, без эмоций. Инструктор.

— Подойди к этому дому. Нажми код двери.

Я подошёл. Пальцы сами набрали цифры. Щелчок. Дверь открылась.

— Теперь я за твоей спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял мужик. Массивный. Под сто килограмм. Он был не в адеквате. Глаза бегали, челюсть ходила ходуном, руки тряслись. Под солями. Он буровил что-то неразборчивое — поток сознания, в котором тонули отдельные слова. Потом он сфокусировался на мне и заорал:

— Ты, у*бок! Ты че не прошёл? Я тебе звонил! Ты меня кинул!

Он не договаривал слова. Он брызгал слюной. Он принял меня за кого-то другого. За своего должника. За врага.

Началась драка. Он накинулся резко, без размаха, как бьют свои — коротко, зло, в голову. Я закрылся. Мы сцепились. Борьба. Со своими ста килограммами он давил массой. Его пальцы сомкнулись у меня на горле. Горячие, как клещи. Я кое-как отпрыгнул, вывернулся, оттолкнул его.

И побежал.

Погоня длилась полчаса. Ночь. Дворы, проулки, подъезды. Он не отставал. Соли глушили усталость. Его гнало вперёд не тело — наркотик. Он разбил стекло машины голой рукой. Кровь хлестала из пореза — обильная, тёмная, как из

крана. Сигнализация заорала на всю улицу. В окнах зажёгся свет. Люди начали возмущаться. Кто-то кричал с балкона. Кто-то вызвал скорую.

Я сбежал. Он остался там, у машины, с распоротой рукой и пустыми глазами.

Голос за спиной молчал. Как будто его работа была сделана.

Я шёл ещё час. Ноги гудели. В горле стоял ком — то ли от удушья, то ли от страха. Я думал: «Зачем? Зачем он привёл меня туда?» Я не находил ответа. Но позже понял: это был тест. Проверка. Готов ли я драться. Готов ли убегать. Готов ли выжить.

Я сдал экзамен. И в ту же ночь началось настоящее.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИНИЦИАЦИЯ

Глава 8. Контракт с ФСБ

Я сидел в туалете круглосуточного «Магнита». Того самого, где позже буду спать по двадцать минут, притворяясь, что смотрю в телефон. Где меня будут выпроваживать охранники. Где я буду перематывать ноги туалетной бумагой, потому

что они посинели от холода.

Но это всё будет потом. А пока я сидел на кафельном полу, привалившись спиной к двери кабинки. Голова гудела после драки. Шея болела от удушья — мужик под солями едва не задушил меня. Я пытался отдышаться.

И тогда голос сказал:

— Ты хочешь демона, чтобы попасть к нам в ФСБ?

Это был не Клоун. И не тот, что вёл меня к мужику. Третий. Спокойный, деловой. Как будто предлагал вакансию.

Я не ответил. Но он не нуждался в ответе. Он уже знал, что я пойду.

Длинные извилистые дороги начерчивали путь через гаражи. Ночь. Темнота. Я шёл через ерик, через щебень, прямо, по левую сторону — гаражи и стоянки, как островки. Я дошёл до гаражей крытых. Между ними — подвалы. Голос сказал:

— Спустись. Там кое-кто тебя ждёт.

Я спустился. Кромешная тьма. Я не видел ничего, только

чувствовал: кто-то смотрит. Два глаза. Они горели не светом — отсутствием света. Чёрные точки в чёрном воздухе. Я протянул руку и медленно пошёл на них.

В последний момент, когда я почти коснулся, пасть открылась. Огромная собака .с Щенками . Цербер. Я начал медленно отходить. Собака не нападала. Она смотрела. Рычала .Ждала.

Сторож был в семидесяти метрах. Он ничего не видел. Я был один в подвале с этой тварью. Голос сказал:

— Ты смог. Но это только начало.

Меня повели дальше. К замочной скважине гаража. Голос сказал:

— Ты уже контактировал с особью Демона . Смотри: он опасен, его надо контролировать. Он габаритами огромен и разрушителен. Он постоянно хочет есть. Я контролирую, чтобы он тебя не порвал. Но слушай инструкции.

Дальше — ритуал. Красная «пятёрка» — ВАЗ-2105. Голос сказал:

— Смотри на фонарь, задний габарит и стоп. Отойди на

три шага по крутись. Быстро подойди и беги. Это расстроит твою тень. Успей добежать до авто серого цвета через три квартала. Не смотри назад. Он догоняет.

Я побежал. Тень за спиной дышала в затылок, что то на меня смотрело . Я добежал до серого авто. Голос сказал: «Прислонись к номеру ногами». Я прислонился. Авто начало раздуваться вширь и качаться. Без причины. Без ветра. Просто металл ожил.

Я добрался до перекрёстка. Смотрел на лист, что лежал в луже. С максимальной точностью делал, что говорил голос. Присел на подоконник. И тогда началось.

Меня начало выламывать. Как в фильме ужасов. Я весил двести-четыреста килограмм. Я не мог пошевелиться. Мой голос стал не моим. Я говорил как демон. Не наигранно. Прямо. С такой силой, что вибрировал воздух. Глаза закатились. Челюсть ходила ходуном. Из горла выходил звук, которого я никогда не слышал у людей.

Это была одержимость. Или контракт. Или посвящение. Я не знаю, как назвать. Но когда всё закончилось, я пошёл к «Магниту».

Там стоял мужик с тростью. Он чем-то болел. Я подошёл,

встал напротив и начал рукой его исцелять. Он начал вставать в естественное положение, излечиваясь на глазах. А я чувствовал, как меня разрушает изнутри.

Это был обмен. Энергия. Сила.

Глава 9. Жажда крови

Это началось через несколько часов после инициации. Я всё ещё был в городе, всё ещё перемещался между «Магнитом» и улицей дошел до Красной. Тело гудело после одержимости. Мышцы помнили вес в четыреста килограммов. Голос демона ещё эхом отдавался в гортани.

А потом пришла жажда.

Не метафорическая. Не «жажда жизни» или «жажда справедливости». Жажда крови. Густая, тёмная, заполнившая весь рот. Я чувствовал вкус. Металлический. Солёный. Тёплый. Я чувствовал запах — тот самый, который стоит в мясном отделе, только слаще, насыщеннее. Мои обонятельные луковицы снова галлюцинировали. Но теперь это была не абстрактная иллюзия. Это было желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.